

— Какой же это эспер, если он может заснуть только, держась за руку гида?

Ни в самых смелых своих снах Егёль не мог представить, что таким окажется он сам.

Он заставил себя закрыть глаза, но сон так и не пришёл. Кровать — достаточно широкая, чтобы одним поворотом оказаться рядом с компаньоном — казалась бескрайней, как открытое море.

— Всё ещё не спишь? — На звук этого голоса, прозвучавшего в тот же миг, как он пошевелился, Егёль повернул голову. Мужчина с холодным, сдержанным лицом смотрел на него сверху вниз — в его взгляде сквозила тревога.

— Этот старший брат побудет рядом. Если снова приснится кошмар, я разбужу тебя. А пока — просто закрой глаза и отдохни.

— Старший брат...

Рука мужчины мягко коснулась лба Егёля. Осторожное движение, убирающее выбившуюся прядь, было таким бережным — словно он успокаивал ребёнка.

Из точки соприкосновения с кожей Чэ Халяня в тело Егёля потёк направляющий поток — медленное, расплавленное тепло, которое проникало в самую глубину.

Егёль наслаждался этим чувством — ощущением, как энергия вливается в него, наполняет до краёв. Ни одно слово, которое он слышал от старших эсперов в Центре Пробуждённых, не могло передать это чувство целиком.

— Ты стал куда более привязан к ласке.

— На горе Куньлунь... мы ведь никогда не могли побыть наедине, — тихо прошептал Егёль. — Старший брат всегда был окружён другими. А я, самый младший, и подойти толком не мог.

В глазах Халяня мелькнула тень вины. Даже это лёгкое искажение его безупречно красивого лица не позволяло Егёлю отвести взгляд.

Он выглядел так, будто одно прикосновение могло обжечь кончики пальцев — и всё же взгляд, устремлённый на Егёля, был полон тепла.

Чистое, спокойное присутствие мужчины, словно кусочек голубого нефрита, погружённого в тихую воду, было тем же самым, что и тогда. Наверное, поэтому, даже спустя двадцать лет, Егёль узнал Чэ Халяня в тот же миг, как увидел.

— Кто бы мог подумать, что мы встретимся снова — вот так?

Теперь Егёлю было двадцать лет. Он был эспером, рождённым в Корее XXI века.

И всё же он хранил память о прошлой жизни — о том, как погиб в семнадцать лет, защищая этого самого человека на горе Куньлунь. Тогда он был Мун Егёлем, павшим от клинка демона.

«В Корее я думал, что схожу с ума.»

Егёль родился, сохранив воспоминания прежней жизни.

Мир, в котором он оказался, был непостижимо странным.

Железные повозки мчались по дорогам вместо коней; люди парили по небу в стальных птицах, не умея ходить по воздуху. Те, кто находился на разных концах света, могли говорить друг с другом мгновенно.

Не существовало мастеров боевых искусств — вместо них были эсперы, способные вызывать огонь из ладоней или гнуть стальные балки голыми руками.

А врата, возникающие из ниоткуда, изливали в мир чудовищ, называемых монстрами.

И всё же даже в этом странном современном мире Мурин существовал лишь на страницах вымышленных историй.

Прежде чем Егёль впервые прочёл роман о боевых искусствах, он уже знал о секте Куньлунь и Девяти Великих Кланах — как будто когда-то сам жил среди них. Но другие считали это детской фантазией.

Так мальчик, помнящий прошлое, научился прятать правду за тщательно выстроенной маской.

До недавнего времени он вполне приспособился к новой жизни в Корее — даже ездил в путешествие с родителями, празднуя поступление в университет.

«Кто бы подумал, что я вдруг снова окажусь в Срединных равнинах?»

— Зато теперь мы близки, не так ли? — Халянь мягко улыбнулся, чуть смущённо, но с заметной заботой в голосе.

— Да... наверное, так и есть. — Притворяясь наивным, Егёль прижался щекой к его ладони и почти умоляюще прошептал:

— Можно... ещё немного так посидеть?

— Тебе нужно спать. Разве тебе не неудобно? — Мягкий отказ — вежливый, но недвусмысленный.

Что ж, неудивительно. Если взрослый мужчина начнёт прижиматься к другому и просить о прикосновениях, кому угодно станет неловко.

Но ведь здесь дело шло о выживании.

Он уже знал, что значит задыхаться в собственной крови, чувствуя запах разложения внутри себя. И повторять этот опыт Егёль не собирался.

— ...Так давно я не прикасался к другому человеку. Похоже, я забыл, где проходит грань.

Когда Егёль опустил взгляд, слегка надувшись, пальцы Халяня едва заметно дрогнули — будто он не знал, как поступить.

И ведь это была не ложь. С тех пор как появились признаки того, что Егёль пробудится как эспер S-ранга, его чувства стали мучительно обострёнными — вкус, тактильные ощущения, прикосновения.

Он стал разборчив в еде, одежде, во всём, что касалось быта... Так что неудивительно, что и людей начал остерегаться.

— Понимаю... Для меня это тоже в новинку, — мягко ответил Халянь. — Возможно, я сказал что-то не так. Не придавай значения.

Хотя в его голосе всё ещё слышалось сомнение, он больше не отстранял Егёля.

Поняв это, Егёль ощутил тихое удовлетворение.

Такой добрый, мягкий гид — вряд ли кто-то из старших эсперов мог похвастаться подобным.

Сердце старшего брата оставалось таким же широким, как и прежде... быть может, даже больше, чем до смерти Егёля.

Для эспера, истерзанного травмой после буйства, эта грудь была самым надёжным пристанищем.

«Ну что ж... как мне теперь продвинуться дальше?»

Ученику надлежит чтить старшего брата как родного — ведь узы боевого братства считались крепче крови.

Но для Егёля, встретившего своего наставника вновь спустя двадцать лет, эти моральные правила значили не больше, чем пыльные страницы древнего трактата.

Он был слишком занят мыслями о том, как бы полностью поглотить Чэ Халяня.

«К чёрту табу мира боевых искусств.»

Сначала нужно было выжить.

Устраиваясь поудобнее в объятиях Халяня, Егёль прижался ближе, а в его золотистых глазах вспыхнул хитрый блеск.

Это была осенняя ночь, наполненная теплом — и предчувствием грядущих интриг.

<http://bllate.org/book/12382/1104345>